

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/HRWGSE>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

ПРОБЛЕМА ЛИРИКО-РИТОРИЧЕСКИХ ЖАНРОВ В ДРЕВНЕРУССКОМ ВОИНСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

© 2026 г. Н.В. Трофимова

*Московский педагогический государственный
университет, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 10 декабря 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 17 января 2026 г.

Дата публикации: 25 марта 2026 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-1-84-105>

Аннотация: В статье на основе обобщения существующих взглядов исследователей выявлен круг лирико-риторических жанровых форм, функционирующих в древнерусском воинском повествовании с XI по XVI в., и рассмотрено своеобразие поучений, включенных в произведения. Поучения в воинском повествовании относятся к дидактическому типу, связаны с важными историческими событиями и направлены на их назидательное и одновременно эмоциональное объяснение. Произносятся их на раннем этапе развития литературы авторы. С усилением интереса к историческим персонажам и углублением характеристик книжки вводят также поучения, принадлежащие духовным лицам и правителям. Все они содержат устойчивые мотивы: справедливости «казней Божиих», посланных за грехи людей и наставляющих их на путь истинный; милости Господа к людям; осуждения гордыни и утверждения смирения как одной из главных добродетелей; проповедь обязанностей правителя как защитника православной веры и покровителя подданных. Эти мотивы выражаются через цитирование библейских текстов, использование многообразных типов повторов, риторических фигур, тропов, количество которых варьируется в разных произведениях. В целом стиль поучений в воинском повествовании определяется в первую очередь риторическими приемами, изобразительно-выразительные средства менее многочисленны, нежели в других лирико-риторических жанрах, в связи с установкой авторов в первую очередь на эмоциональное выражение мыслей.

Ключевые слова: воинская повесть, жанр, летописи, поучение, риторические фигуры, Сказание о Мамаевом побоище, Казанская история

Информация об авторе: Нина Владимировна Трофимова — доктор филологических наук, профессор, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119435 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0001-9001-8236>

E-mail: nv.trofimova@mpgu.su

Для цитирования: Трофимова Н.В. Проблема лирико-риторических жанров в древнерусском воинском повествовании // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 1. С. 84–105. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-1-84-105>



This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 1, 2026

THE PROBLEM OF LYRICAL AND RHETORICAL GENRES IN THE OLD RUSSIAN MILITARY NARRATION

© 2026. Nina V. Trofimova

Moscow Pedagogical State University,

Moscow, Russia

Received: December 10, 2025

Approved after reviewing: January 17, 2026

Date of publication: March 25, 2026

Abstract: The article identifies a range of lyrical and rhetorical genre forms that function in military narrative from the 11th to the 16th centuries, basing on the generalization of existing views of researchers, and examines the uniqueness of the teachings included in the works. The teachings are related to important historical events and are aimed at their edifying and at the same time emotional explanation. They are pronounced at an early stage of the development of literature by the authors, and with strengthening of interest in historical characters and the deepening of characteristics, the scribes also introduce the teachings of clerics and rulers. The teachings contain stable motives: the justice of the “punishments of God” sent for the sins of people and guiding them on the right path; the mercy of the Lord to people; the condemnation of pride and the affirmation of humility as one of the main virtues; the preaching of the duties of the ruler as a defender of the Orthodox faith and the patron of his subjects. These motives expressed through the quoting of biblical texts, the use of various types of repetitions, rhetorical figures, and tropes, the number of which varies from work to work. In general, the style of teaching in military narrative is determined primarily by rhetorical techniques, visual and expressive means are less numerous than in other lyrical and rhetorical genres.

Keywords: military tale, genre, chronicles, the teaching, rhetorical figures, the Tale of the Mamay Battle, Kazan History

Information about the author: Nina V. Trofimova, DSc in Philology, Professor, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St., 1/1, 119435 Moscow, Russia. <https://orcid.org/0000-0001-9001-8236>

E-mail: nv.trofimova@mpgu.su

For citation: Trofimova, N.V. “The Problem of Lyrical and Rhetorical Genres in the Old Russian Military Narration.” *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 1, 2026, pp. 84–105. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-84-105>

Риторическая природа произведений средневековых православных славянских литератур, не создавших нормативных риторик и поэтик, но ориентировавшихся на образцовые тексты, давно признана исследователями (см., например: [17; 23]). Возможно, именно поэтому вопрос о системе жанров древнерусской литературы, в том числе ораторских, остается недостаточно разработанным.

Общий взгляд на проблему впервые был изложен Д.С. Лихачевым¹. Исследователь выделил два типа жанров — первичные и объединяющие, рассмотрел их взаимодействие и при этом утверждал, что «перечисление всех названий жанров дало бы цифру примерно в пределах сотни» [15, с. 320], ссылаясь на данные рукописей. В то же время ученый признал, что «под одним названием могут находиться совершенно различные произведения» [15, с. 320]. Это дополнение вызывает сомнение в том, что рукописные названия можно считать жанровыми.

Наметив разделение жанров на церковные и светские, Д.С. Лихачев обратил особое внимание на практическое назначение и тех и других, не особенно их дифференцируя [15, с. 326–329], и подчеркнул значение риторических приемов в литературе в целом: «Преобладание в древней Руси обиходных, “обрядовых”, “деловых” жанров сказалось, между прочим, на одной их особенности, резко обозначившейся в их стиле: все они рассчитаны на произнесение вслух. Это сказывается в ритме, рассчитанном для пения или для чтения вслух, в обилии ораторских оборотов речи, ораторских обращений к слушателям и т. д.» [15, с. 329].

¹ Впервые материал о системе жанров древнерусской литературы был представлен Д.С. Лихачевым на V Международном съезде славистов в 1963 г. См.: [15, с. 344, примеч. 1].

Продолжил развивать представление о жанровой системе Древней Руси Н.И. Прокофьев в статье, опубликованной в 1975 г., выделив три жанровые системы: «фольклорные жанры, что убедительно показано Д.С. Лихачевым, жанры богослужебной литературы и жанры “светской”² художественно-публицистической литературы» [19, с. 26]. В работе показан процесс взаимодействия всех систем и акцент сделан на последней названной группе жанров.

По способу функционирования Н.И. Прокофьев выявил две группы первичных художественно-публицистических жанров: «всего основных первичных жанров насчитывается чуть побольше десятка <...>. Одни из этих жанров имели самостоятельное распространение (повесть, сказание, житие, хождение, поучение и послание), другие и самостоятельное, и в качестве вставного мотива или формы включались в другие жанры (плачи, притчи, видение, чудо, знамение и др.)» [19, с. 31–32]. Многие из этих жанров получили развернутую характеристику в статье.

Принципиально новым в работе стало положение о принадлежности первичных жанров художественно-публицистической литературы к двум родовым группам — эпическому повествованию и лирическому рассуждению — и возможности их взаимопроникновения в разных соотношениях [19, с. 37]. Жанры второго рода, по мнению автора, оформлялись с помощью риторического стиля: «Лиризм и патетика, нередко в древнерусской литературе выражавшие экзальтированное состояние чувств, требовали особой речи и словесно-стилистических средств изображения и выражения. Обычно лирические произведения и лирические мотивы выражались в риторическом стиле, широко распространенном в литературе древней Руси от начала ее возникновения и до конца XVII века» [19, с. 38].

К таким лирико-риторическим жанрам Н.И. Прокофьев относил «публицистические и религиозно-нравственные поучения, разного вида послания и плачи и др.» [19, с. 37]. В этом перечне упомянуты жанры, охарактеризованные исследователем [19, с. 34–35], к ним, согласно нашим наблюдениям, должны быть добавлены еще два: похвала и молитва. На данный момент даже это небольшое количество жанров изучено недостаточно полно. В современных учебниках риторики либо рассматривают русское

2 Термин поставил в кавычки Н.И. Прокофьев. См.: [19, с. 26].

ораторское искусство начиная с XVIII в., кратко упоминая, что оно было известно в Древней Руси [20], либо сообщают сведения о происхождении древнерусского искусства красноречия и об отдельных авторах [4, с. 59–66].

Работ, посвященных специально красноречию Древней Руси, немного. Одним из первых к проблеме ораторских произведений Древней Руси обратился И.П. Еремин в разделах о переводной и оригинальной учительской литературе, написанных для десяти томной «Истории русской литературы» [12, с. 183–194, 347–364]. Были выделены два типа поучений — торжественные и дидактические [12, с. 349] — и рассмотрены произведения раннего периода, принадлежащие к обеим разновидностям жанра, а также учительные послания и похвалы.

В дальнейшем И.П. Еремин обратился к более подробной разработке вопроса о специфике жанров красноречия в статьях, посвященных произведениям Феодосия Печерского [7; 10] и искусству Кирилла Туровского [9]³, а также в лекционном курсе, который ученый читал в Ленинградском университете⁴. Исследователь подробно охарактеризовал типы учительного и торжественного красноречия, рассмотрел произведения, относящиеся к ним в XI–XIII вв., особое внимание уделяя торжественному («эпидиктическому») красноречию, выявив общие для произведений композицию, комплекс риторических и поэтических средств, ритмический строй [8, с. 75]. В работе в качестве терминов, характеризующих дидактическое красноречие, упомянуты поучение, беседа, послание, для торжественного красноречия — речь и слово.

Трудом, полностью посвященным ораторскому искусству Древней Руси, который содержит статью, характеризующую основные произведения, и подборку текстов, стала работа Т.В. Черторицкой [30], следовавшей типологии, предложенной И.П. Ереминым. Автор, создавая обзор произведений ораторского искусства с XI по XVII в., упоминает жанры слова, поучения, панегирика, плача, послания, не характеризуя их детально.

Терминология, связанная с жанром поучения, остается неясной. Н.И. Прокофьев писал: «Почтения в Древней Руси назывались обычно термином “слово”» [19, с. 35]. По мнению других исследователей, дело об-

3 Исследование сопровождалось научной публикацией произведений Кирилла Туровского в томах XII, XIII, XV Трудов отдела древнерусской литературы.

4 Первое издание лекций вышло после кончины И.П. Еремина под ред. В.Я. Проппа в 1968 г., второе, дополненное статьями, — в 1987 г.

стоит иначе. В.В. Кусков пояснял: «Лексема “слово” в древнеславянском и древнерусском языках была необычайно многозначной <...>. Если мы обратимся к памятникам древнерусской письменности XI–XII вв., то увидим, что лексемой “условно” названы произведения самых различных жанров» [14, с. 290]. И далее: термин «слово» «прежде всего указывает на то, что произведение это предназначалось для произнесения вслух, для прочтения перед определенной аудиторией, а не является жанровым определением» [14, с. 290]. А.В. Каравашкин поддержал эту точку зрения: «“Словом” могли назвать и дидактическое поучение, и главу книги, и беседу, и речь, и статьи различного состава и содержания» [13, с. 32].

Разные виды «слов» (церковно-политические, учительные, обличающие пороки) как разновидности ораторского красноречия называл В.А. Грихин [5, с. 81]. Т.В. Черторицкая пыталась закрепить лексему «слово» как обозначающую не жанр поучения полностью, а только одну его разновидность: «Классификация жанров древнерусского красноречия сложна, но наиболее распространенными в письменной традиции остаются два определения: слово и поучение. Первое закрепляется за памятниками торжественными, второе — за более простыми по смыслу и системе образных средств дидактическими сочинениями» [26, с. 9]. Авторы современного учебника риторики разделяют это представление, сообщая, что «жанр “слова” <...> объединял эпидейктические (торжественные) произведения» [4, с. 62]. Заметим при этом, что на самом деле в древнерусских памятниках лексема появлялась в названиях поучений как торжественных («Слово о законе и благодати»), так и дидактических («Слово о женах о добрых и о злых»). А самостоятельные произведения, представлявшие жанр похвалы, назывались «слова похвальные»⁵. Таким образом, за лексемой «слово» не стоят ни определенное содержание, ни функции, поэтому считать его альтернативным названием жанра поучения или даже его разновидности вряд ли возможно. Стоит, по-видимому, следуя работам И.П. Еремина, ограничиться разделением жанра на два типа: поучения торжественные и дидактические.

Терминология остальных лирико-риторических жанров не вызывает больших споров, но изучены они в разной мере. Более всего внимания уделено было и в жанровом плане, и в исследовании отдельных произве-

5 См.: «Смиреннаго инока Фомы слово похвальное о благовѣрном великомъ князи Борисѣ Александровиче» [28, с. 72].

дений поучениям и посланиям, что не удивительно, поскольку они функционировали в первую очередь самостоятельно⁶. Поэтике древнерусского литературного плача в целом посвящена только большая глава монографии В.П. Адриановой-Перетц [1, с. 135–180]. История двух плачей в памятниках раскрыта в кандидатской диссертации О.А. Савельевой [21]. Жанры похвалы и древнерусской литературной молитвы рассматривались только на примере отдельных текстов (см., например: [2; 16; 22]). Анализируя их, исследователи обращают внимание на тесное переплетение риторических фигур и поэтических приемов в стиле произведений.

«Малые» лирико-риторические жанры (плач, молитва, похвала), входившие в воинское повествование на разных этапах, первоначально рассмотрены нами в отдельных статьях, а затем представлены в разделе монографии «Поэтика древнерусского воинского повествования» [24] с опорой на взгляды, высказанные Н.И. Прокофьевым, и в развитие их. Наблюдения над этим материалом позволили дать определения рассмотренных жанров, основанные на предназначении каждого из них, и в то же время выявить общие их функции. Они эмоционально оценивают ход событий, характеризуют персонажей, раскрывая их чувства и мысли, передают идеи и переживания повествователя. Единицы и базовые приемы оформления текстов. Основой, как во всех риторических жанрах, служат повторы, охватывающие все языковые уровни: лексику (анафора, синонимия языковая и контекстуальная, тавтология, эпифоры), синтаксис (однородные члены, синтаксически параллельные конструкции), фонетику (гомеотелевты, морфологическая рифма, звукопись). Используются вопросы и восклицания, обращения, градация, библейские цитаты и переплетение многообразных тропов.

Почтения и послания Н.И. Прокофьев называл среди жанров, бытующих самостоятельно, но они во многих случаях могли включаться и в первичные жанры в виде малых форм. Предмет данной работы — особенности поучений в составе воинского повествования.

Наше рабочее определение жанра следующее: «Почтение — жанр, предназначенный для передачи слушателям или читателям религиозных или политических идей, моральных норм, представлений о значении определенных событий в эмоциональной форме». Соответственно, содержание

6 В связи с ограниченным объемом статьи нет возможности дать исчерпывающий список работ, упомянем некоторые: [3; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 18; 25; 26].

поучений многообразно: религиозные, политические, нравственные идеи могут быть весьма различными, оценка событий — как положительной, так и критической. Формальным признаком поучений можно считать обращение к читателям (часто не к конкретному человеку, а к «чтущим и слышащим»), содержащее наставление.

Летописные воинские повести используют этот жанр не очень часто, поскольку большинство из них заняты прежде всего изложением событий. Поучения рождаются в авторских размышлениях о событиях, и часто они связаны с поражением русских князей от «поганных». Поскольку эти поучения связаны с конкретными событиями, носят назидательный характер и предназначены для чтения, они относятся к дидактическому типу, и, по словам И.П. Еремина, «обычно невелики по объему, часто лишены каких-либо риторических украшений, писались и произносились на общедоступном, почти живом, разговорном русском языке» [8, с. 65]. Самым значительным в раннем летописании было «Поучение о Божьих казнях», включенное в воинскую повесть о неудачной битве Ярославичей против половцев в 1068 г., которая привела к восстанию киевлян против Изяслава Ярославича [31, стб. 167–170]. Содержание поучения, с одной стороны, обличительное, причем осуждаются грехи во всех их проявлениях: от братоненавидения, приводящего к уособицам, до языческих верований, которые вызывают гнев Божий. С другой стороны, через произведение проходит мысль о милосердии и всепрощении Господнем по отношению к кающимся грешникам и дается наставление о необходимости обращения к Богу.

В основе текста лежит прием, часто использующийся в риторике, — антитеза — в данном случае выбора человеком и народом Божьего или дьявольского пути. Эмоциональность создается рядом риторических приемов. Последовательно используются лексические антитезы: нашествие иноплемennых — усобная рать, зло — благо, грех — покаяние, гнев Божий — благодать; уста, чтущие Бога, — сердца, далекие от него. Включены ряды однородных членов, часто с повторяющимися союзами, предложениями или местоимениями, подчеркивающие ритм: «свары и зависти, братоненавиденье, клеветы» [31, стб. 167], «смертью, *ли* голодом, *ли* наведеньем поганныхъ, *ли* ведромъ, *ли* гусеницею, *ли* инѣми казнми» [31, стб. 167–168], «винограды *вашь*, и смоковыя *ваше*, нивы и дубравы *ваша*» [31, стб. 168], «буду свѣдѣтель скорѣ на противныя *и на* прелюбодѣица, *и на* кленущаяся

именемъ моимъ во лжю, *и на* лишающая мзды наемнику, насильствующа сиротѣ и вдовици, *и на* уклоняющая судъ кривѣ» (ср.: Мал. 3: 5) [31, стб. 168] и др. (здесь и далее выделено мною. — Н.Т.).

Особую эмоциональную напряженность создают библейские образы, переданные в цитатах из книг Пророков Иоила (Иоиль 2: 12, 23–25), Исая (Ис. 48: 4, Ис. 29: 13), Амоса (Ам. 4: 7–9, 10), Малахии (Мал. 3: 5, 7, 10–11, 13–14), Притч Соломоновых (Притч. 1: 28). В поучении использован ораторский прием объединения адресатов поучения и автора местоимением «мы» и соответствующими глагольными формами: «да **аще** сиде *створимъ*, всѣхъ грѣхъ прощени *будемъ* <...>. **Аще** ли ся *покаемъ* отъ злобъ нашихъ, то акы чадомъ своимъ дасть *намъ* вся прошенья <...>. *Въстанѣмъ* на добро, взицѣте суда, избавите обидимаго, на покаянье *придемъ*, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовью *прильпимся* Господи Божѣ *нашемъ*, **постомъ, и рыданьемъ, и слъзами** омывающе вся прегрѣшенья *наша* <...>» [31, стб. 169–170]. Ритм текста основан на синтаксическом параллелизме, дополненном в первых двух предложениях анафорой, и рядах однородных членов.

Хотя это поучение считается, согласно исследованию А.А. Шахматова, вставкой в летописный текст [27], но оно не только связано по смыслу с повестью о поражении князей Ярославичей от половцев, которое они потерпели за нарушение крестного целования, данного Всеславу Полоцкому, но с течением времени становится архетипическим способом объяснения хода военных событий и в разных модификациях появляется в воинском повествовании различных эпох.

Например, развивает мысль этого текста краткое поучение автора в конце повести о неудачном походе Игоря Святославовича на половцев по Лаврентьевской летописи. Радуюсь освобождению Игоря из рук иноверцев и прибегая для этого к библейской аналогии: «гониша бо по немъ и не обрѣтоша [его], яко и Сауль гони Давида, но Богъ избави и» [31, стб. 400], летописец толкует поражение князей как наказание за грехи: «се же и здѣяся грехъ ради нашихъ, зане умножишася грѣси наши и неправды» [31, стб. 400] и напоминает о разных казнях Божьих рядом однородных членов с повторяющимся союзом: «Богъ бо казнить рабы своя напастьми различными: огнемъ *и* водою, *и* ратью, *и* иными различными казньми» [31, стб. 400]. При этом книжник разъясняет значение казни как наставление, вразумление,

используя глагол «кажет» (4-е значение⁷), и эмоциональными восклицаниями подчеркивает мысль о том, что и в наказании проявляется любовь Божия к людям: «Но да никто же можетъ рещи, яко ненавидитъ насъ Богъ, не буди токого! Тако любить [Богъ], якоже възлюбилъ е [и вознеслъ е] и страсть приять насъ ради, да ны избавить отъ неприязни!» [31, стб. 400]. Несмотря на то что поучение в данном случае гораздо короче, чем образец, мысль в нем дополняется, а обличительный пафос снижается за счет эмоционального выражения мотива любви Господа к людям. Используется хотя и небольшое число, но тех же приемов: библейская ссылка, однородные члены, риторические восклицания.

Во многих случаях исходное поучение использовалось в сокращенном и перефразированном виде для оценки причин побед врагов. В Лаврентьевской летописи под 6745 (1237) г. книжник кратко разъясняет причину взятия врагами Владимира, подчеркивая мысли и усиливая эмоциональность противопоставлениями, в том числе в библейской цитате; тавтологией, акцентирующей значение бедствия, повтором назидания с помощью синонимичной конструкции: Бог допускает победу врагов *«не акы милауа ихъ, но насъ кажа, да быхомъ **встягнулися отъ злыхъ дѣлъ**. И сими **казньми казнить** насъ Богъ нахоженъемъ поганыхъ, се бо есть батогъ его, да негли **въстягнувшися отъ пути своего злаго**. Сего ради в праздники намъ наводить Богъ *сѣтованье*, якоже // пророкъ глаголаше: преложю *праздники ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданье*»* (Ам. 8: 10) [31, стб. 462–463].

В обоих изводах Новгородской Первой летописи повесть о взятии монголо-татарами Торжка [33, с. 76–77, 289] сопровождается поучением, буквально заимствующим, с небольшими заменами и перестановками слов, текст из «Слова о Божьих казнях». Летописец привел начало текста из «Повести временных лет», заканчивая словами: «Но мы на злая възвращаемся, акы свинья валяющесе в калѣ грѣховнѣмъ присно, и тако пребываемъ <...>» [33, с. 76, 289], опустил часть, содержащую большинство библейских цитат, и добавил последнюю часть фразы исходного текста, которая подчеркивает важнейшую мысль о неизбежной каре за грехи повтором: «да сего / ради *казни приемлемъ* всякыя от Бога, и нахождение ратныхъ; по божию повѣлению, грѣхъ ради нашихъ *казнь приемлемъ*» [33, с. 76–77, 289]. Образец был

7 «4. Наставлять, убеждать, вразумлять» [37, с. 186].

упрошен, но сохранились его основные мысли и приемы: антитеза, ряды однородных членов, создающие эмоциональность, ритмичность фрагмента.

В повести о нашествии Тохтамыша по Новгородской Четвертой летописи нет прямых заимствований из текста «Повести временных лет», но мысль о грехе противления Божией воле как причине поражения от врагов проводится летописцем в кратком поучении с помощью библейских цитат: «Кто насъ, *братъе*, о семь не усташится, видя таковое смущение Рускои земли? яко же Господь глагола пророкомъ: аще хоще[те], послушайте менѣ, благаа земнаа снестѣ, и положю страхъ вашъ на вразехъ вашихъ; аще ли не послушайте менѣ, то побѣгнете, никимъ же гоними; пошлю на вы страхъ и ужась, побѣгнете васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща» [34, с. 337] (Ис. 1: 19, Лев. 26: 14, 17, Иер. 15: 8, Лев. 26: 8). Риторический вопрос, обращенный к слушателям, создает эмоциональный настрой, далее поддерживаемый библейскими образами, антитезой, синтаксически параллельными конструкциями с постпозицией прилагательных.

Устойчивым поучительным мотивом в воинском повествовании было осуждение гордыни. Этот мотив появляется в виде авторской реплики, приводящей две библейских цитаты (Притч. 3: 34 / Иак. 4: 6 / 1 Пет. 5: 5, Иер. 9: 23) в повести о битве на Нежатиной Ниве в 1078 г., где осуждается похвалившийся своей силой и погибший в бою Борис Вячеславович: «И похвалився велми, не вѣды яко Богъ гордымъ противится, смѣреннымъ даетъ благодать, да не хва[ли]тсѣ силныи силою своею» [31, стб. 202].

В дальнейшем мысль повторяется регулярно, дополняясь новыми цитатами. Например, в повести о битве на Скорнищеве в 1371 г. между гордыми рязанцами, с презрением относившимися к противнику, и смиренным московским войском в Софийской Первой летописи старшего извода и Рогожском летописце книжники помещают почти дословно совпадающее назидательное поучение, которое начинается конструкцией, включающей антитезу, и содержит три цитаты, две из которых также построены на антитезе: «Богъ же видя *сѣхъ смирение и онѣхъ высокоумие и гордость*, яко же рече Соломонъ: “Господь гордымъ противится, а смѣреннымъ даетъ благодать”. И въ *Еуаггелии рече*: “Всякъ възносяся смѣрится, а смиряяся възнесетсѣ”. И *Давидъ пророкъ рече*: “Не спасетсѣ царь многою силою, ни исполинъ, ни храборъ не спасетсѣ множествомъ крѣпости своея”» [38, стб. 440; 35, стб. 99] (Притч. 3: 34 / Иак. 4: 6 / 1 Пет. 5: 5, Лк. 14: 11, Пс. 32: 16). Кон-

струкции, вводящие вторую и третью цитаты, синтаксически параллельны. Композиционно это поучительное высказывание в Рогожском летописце подводит итог, делая назидательный вывод о происшедшем, а в Софийской Первой летописи предсказывает ход событий.

В воинских повестях, использовавших стиль «плетения словес», поучение могло занимать значительное место, тесно переплетаясь с повествованием. Такую картину видим в повести 1372 г. «О взятии града Торжку» в Рогожском летописце [35, стб. 101–103]. Вначале летописец представляет предысторию событий: новгородцы, приехав в Торжок, укрепились крестным целованием с местными жителями, причем замысел подчеркивается тавтологическим сочетанием «сѡвьѣщаша золь сѡвьѣтъ», сослали наместника князя Михаила Тверского, а «Тѣѣричь изнимаша и биша, а лодьи ихъ пограбиша» [35, стб. 101]. Вслед за вступлением появляется поучение, содержащее назидание на примере судьбы восставших против власти тверского князя, которое включает четыре цитаты, объединяющие мысли о могуществе Господа и о наказании за гордыню: «то же все сотвориша, забывше пророчьскаго слова: Господь разаряеть сѡвьѣты языкъ, отгмѣтаеть же мысль людии, Господь гордымъ противится, а смиреннымъ благодать даетъ, и пророкъ Давидъ царь то же глаголетъ, яко въ смиреніи нашемъ помянулъ ны еси Господи и избавилъ ны еси отъ врагъ нашихъ, яко смирихся и спасе мя. Всяко бо, рече, възносяся смирится, а смиряяся възнесеться» [35, стб. 101] (Пс. 32: 10, Притч. 3: 34 / Иак. 4: 6 / 1 Пет. 5: 5, Пс. 135: 23, 24, Лк. 14: 11).

Вторая часть поучения помещена после рассказа о взятии и сожжении города тверским войском и маркирована прямыми обращениями к читателям: «слышасте, братие» [35, стб. 102], «Разумѣите же, братие», «Вижьте» [35, стб. 103]. Рассматривая гибель города как кару за грех гордыни жителей, автор риторически расширяет традиционное поучение о Божьих казнях. Прежде всего, он увеличивает ряд возможных казней Божьих: «<...> ведромъ, градомъ, сланою, гладомъ, моромъ, болезнми, ратьми, напастьми» [35, стб. 102], сопровождая его цепочкой библейских цитат (Мал. 3: 7 / Зах. 1: 3, Ис. 29: 13 / Мф. 15: 8 / Мк. 7: 6, Притч. 1: 28), требующих отказа от зла и обращения к Богу. Затем евангельскими цитатами книжник, прямо обращаясь к читателям, предрекает конец времен: «Слышасте, братие, самого Господа, глаголюща в Еуаггелии: въ послѣдняя лѣта будутъ знамѣния въ солнци и въ лунѣ и въ звѣздахъ, труси по мѣстомъ и глади (Лк. 21: 25, 11), тѣгда реченое

Господемъ нашимъ Исусомъ Христомъ нынѣ // сбывается при насъ при послѣднихъ людехъ» [35, стб. 102–103]. Далее подчеркнута власть Бога с помощью пары взаимодополняющих по смыслу существительных: «*Разумѣйте же братие, силу Божию и разгнѣвание Божие*» [35, стб. 103]. Подтверждая невозможность для любого города устоять против высшей воли авторитетной аналогией, автор подробно рассказывает о разорении Титом Иерусалима, характеризуя крепость города сначала триадой наречных сочетаний, а затем парой прилагательных-синонимов: «*Такъ твердъ градъ или селико людии имѣя, или толь храбры, нѣсть бо на свѣтѣ толь сильна града и толь крѣпка <...>*» [35, стб. 103]. Завершается поучение назидательным выводом: «Вижьте, яко ничто же отъ человекъ възможно противу Божия помощи» [35, стб. 103]. Переплетение повествования и рассуждения в повести о взятии Торжка сложное: сюжет дважды прерывается поучением, а внутри второй части поучения введена повествовательная аналогия, подтверждающая мысль автора.

В XVI в. в летописных воинских повествованиях появляются поучения, произносимые не авторами, а действующими лицами, которые обращены либо к группе персонажей, либо к одному герою. Чаще всего это наставления духовных лиц. В начале повести Никоновской летописи о походе войска великого князя на Литву в 1535 г., когда Иван IV и его мать, советуясь с боярами, приглашают к себе митрополита и рассказывают ему о нападениях литовских войск на русские города, митрополит Даниил произносит краткое поучение: «Вы, *государи* православные, пастыри крестьянству: тебѣ, *государю*, подобаетъ христьянство отъ насилия боронити, а намъ и всему вселенскому собору за тебя, *государя*, и твое войско Бога молити; а зачинающаго рать погубляетца, а въ правдѣ Богъ помощникъ» [32, с. 81, стб. 2]. Поучение четко и без особых риторических приемов выражает мысль о необходимости защищать Русь, если ей угрожает опасность, и определяет обязанности: государя — быть пастырем подданных, а духовных лиц — молиться за правителя и войско. Привлекает внимание троекратное повторение форм слова «государь». Великому князю всего пять лет, и митрополит этим повтором настойчиво убеждает его в особой ответственности, которую он должен нести. Мысль о том, что защита своих людей от нападающих поддержана Богом, выражается в последней части поучения в афористической форме, подчеркнутой анафорическим союзом. Краткость и простота поучения полностью оправдываются возрастом адресата.

Во время сбора войск во Владимире для похода на Казань в 1550 г. митрополит Макарий произнес поучение войску, обратившись к нему: «господие и чада» [32, с. 159]. Главная мысль — необходимость любви всех воинов и бояр друг к другу, исключаящей гордость, споры, рознь, местничество, «яростные мысли» во имя победы над врагом. Слово «любовь» трижды повторяется в отрывке, причем в одном случае с эпитетом «Христова», а в другом «нелицемерная». Четырехкратным повтором сочетания «дѣло земьское» митрополит подчеркивает важность начатого похода для всего Московского государства, а шестикратным упоминанием Бога и двукратным помощи Пречистой Богородицы выражает надежду на поддержку божественных сил. В поучении использованы эмоциональные эпитеты: «милосердый Богъ», «веледушно сердечнымъ хотѣниемъ», «мздовоздатель Богъ» [32, с. 159].

Неоднократно появляются поучения в повествовании Никоновской летописи о Казанском походе 1552 г. Поучение митрополита в начале событий служит ответом на просьбу царя о благословении на освобождение Руси от вражеского царства. По мысли оно сходно с поучением Даниила пятилетнему великому князю, но Макарий подчеркивает духовное значение похода как направленного против иноверцев, развивая евангельский мотив доброго пастыря (Ин. 10: 11), соединяя его с обещанием Божьей помощи за подвиг, использует эпитеты, ряды однородных членов, повторы: «тебѣ подобаетъ, царю, на Бога упование положи и на пречистую Богоматерь и великихъ чудотворцовъ, подвизатися за благочестие, за порученную тебѣ отъ Бога паству, якоже ты Святыи Духъ наставишь, да не расхитятъ *безбожнии* волцы порученныхъ ти овецъ: и видѣ Владыка *неотложную* твою вѣру, еже преданное ти *мужественъ* пасешь, да ихъ *расхищенныхъ* соберетъ воедино» [32, с. 163]. В то же время митрополит повторяет мысль Даниила об обязанности духовенства «Бога молити и пречистую Его Богоматерь и великихъ чудотворцовъ да послать тебѣ Богъ помощь и утверждение» [32, с. 163]. Последующие поучения митрополита царю и воинству включены в состав посланий, но о судьбе этого жанра в воинском повествовании необходимо отдельное исследование.

В повести о походе на Казань помещено и необычное поучение царя к царице Анастасии перед выступлением в поход. Оно состоит из двух частей, каждая из которых начинается обращением («Азь, жено <...>» [32, с. 184], «Тебѣ же, жено <...>» [32, с. 185]). В первой части Иван Васильевич объясняет, что поход на Казань «за православную вѣру и за святые церк-

ви» [32, с. 185] даже в случае гибели означает не смерть, а жизнь вечную, приводя в пример мучеников, апостолов и «преднии благочестивии цари и сродници наши» [32, с. 185], и в подтверждение мысли цитирует Первое послание Коринфянам (1 кор. 2: 9): «ни око не видѣ, ни ухо не слыша, ни на сердце челоуѣку не възде, яже уготова Богъ любящимъ Его» [32, с. 185].

Вторая часть содержит наставление царице на время похода: не скорбеть, но пребывать в подвигах духовных, ходить в церкви, молиться «и многу милостыню убогимъ творити, и *многихъ* бѣдныхъ и в нашихъ царскихъ опалахъ разрѣшати повелѣвай, и въ тѣмницы заключимыя испущати повелѣвай, да сугубу мзду отъ Бога приимемъ, азъ за храбрѣство, а ты за сиа благая дѣла» [32, с. 185].

В поучении используются однородные эпитеты: «премилостиваго и всещедрaго и челоуѣколюбиваго Бога» [32, с. 184–185], «о тлѣнномъ семь вскорѣ минующемъ царствіи» [32, с. 185], цепочки существительных: «земное царство и славу и храбрѣство», «за ихъ благочестіе и страдание», «бесконечная радость и веселіе» [32, с. 185] и глаголов «дерзаю и хошу идти противъ нечестивыхъ варваръ и хошу страдати за православную вѣру» [32, с. 185].

Поучения включены и во внелетописные повести. В Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» митрополит Киприан произносит наставление в ответ на сообщение Дмитрия Ивановича о походе Мама на Русь, традиционно толкуя нашествие врагов как наказание за грехи: **«Видиши ли, господине, попущениемъ божиимъ, нашихъ ради согрѣшений идеть плѣнити землю нашу, нѣ вамъ подобаеть, княземъ православнымъ, тѣхъ нечестивыхъ дарми утолити четверицею сугубъ. Аще того ради не смѣрится, ино Господь его смиритъ, того ради Господь грѣдымъ противится, а смиреннымъ благодать даетъ»** [36, с. 28–29]. Вначале митрополит обращается только к Дмитрию, поскольку именно он сообщил о приближении врага и ответил на вопрос митрополита, не провинился ли князь в чем-то перед Мамаем. Но наставление проявить покорность и дать дань Мамаю обращено ко всем князьям, причем троекратным повторением слов с корнем «смир-» и цитатой, противопоставляющей смирение и гордость, Киприан подчеркивает главную добродетель, которую должны проявить обе стороны. Иллюстрацией мысли в поучении становится рассказ о наказании по Божьей воле Юлиана-отступника за желание разорить Кесарию и отказ смириться даже после даров

жителей. В последней фразе поучения митрополит повторяет совет удовлетворить врага золотом. В отличие от большинства авторских поучений, этот текст написан практически разговорным языком, и важнейшими средствами передачи мыслей служат библейская цитата и историческая аналогия.

В Киприановской редакции памятника поучение значительно расширяется за счет пояснений, которые дает митрополит. Приведя князю цитату из Евангелия «Будите мудри, яко змиа, и цѣли яко голубие» [36, с. 54] (Мф. 10: 16), он рассказывает притчу о змеиной мудрости. Как змея, когда ее бьют, жертвует телом, но бережет голову, так и христианин в случае опасности отдает все, но веру свою бережет: «*аще* бо стяжания и имениа, и злата, и сребра ищут гонящей, **дадите** им елико имате; *аще* ли чести и славы хотят, **дадите** им; *аще* ли веру вашу отъяти хотят, **стойте** крепко за сие и сохраняйте всяким опасением. И ты убо, господине, елико можеша собрати злата и сребра, *посли* к нему и *исправися* к нему; и *укроти* ярость его» [36, с. 54]. Синтаксический параллелизм, поддерживаемый анафорой в трех придаточных предложениях и двух главных, подчеркивает противопоставленное начало третьего главного предложения, требующего сохранять веру. Три глагола в повелительном наклонении усиливают значение назидания, произнесенного Киприаном.

В «Казанской истории», крупнейшем воинском повествовании XVI в., встречаем поучения, принадлежащие персонажам повествования, в то время как авторские назидательные реплики не приобретают развернутой формы. Первое из них — обращение Ярослава Всеволодовича к жителям после разорения Батыева — передано в форме косвенной речи. Содержание поучения, утешающего русских людей, традиционно: князь проводит мысль о Божьих казнях, следующих за грехами и приводящих к покаянию, и убеждает надеяться на милость Божию, с помощью библейской цитаты (Мф. 10: 30 / Лк. 12: 7), используя ряды однородных членов, синтаксически параллельные конструкции с анафорами.

Привел автор и поучение Ивана IV царице Анастасии перед походом на Казань. Оно содержит вторую часть соответствующего текста, помещенного в Никоновской летописи, с небольшими изменениями. Самое существенное из них, связанное с отсутствием первой части летописного поучения, — изменение последнего предложения: если в летописи царь чает «сугубой мзды» для себя за ратный подвиг и для жены за добрые дела, ко-

торые она должна совершить в его отсутствие, то поскольку в «Казанской истории» есть только наставление царице, то и заключение касается только ее: «да сугубу мзду от Господа примешь в будущем вецѣ» [29, с. 398].

По возвращении из победоносного похода Иван IV выслушал поучение митрополита Макария о мирной жизни, аналога которому не было в Никоновской летописи, где речь митрополита представляла собой похвалу. Наставление Макария царю, одновременно оценивающее результаты похода как проявление Божией милости и напоминающее об обязанностях царя как доброго пастыря, содержит антитезы, синонимы, однородные члены, риторическое обращение-восклицание, две отсылки к Евангельским текстам, анафорические союзы: «О господине, духовный сыне мой, державный царю, *не скорби, ни тужи, ни печалися*, но **радуйся паче и веселися**, слава Бога, иже спасение и побѣду подадѣ тебѣ на противныя! И буди бо намъ всегда великая Божия благодать, яже у тебѣ нынѣ бысть; *проси бо с вѣрою и взя, иский обрѣтется, и удари — отверзется* (Лк. 11: 9). И то убо печальнымъ **спомогай**, и нищимъ, и алчущимъ пища **сподавай**, и нагимъ — одежда, *боляре же и велможы* своя честны имѣй и обогащай их, да не будут скудны ничимъ же, и ко всѣмъ слугамъ своим, к *малымъ же и к великимъ*, любовь тиху *показуй* и потребная имъ *подавай* (Лк. 11: 3) по апостольскому словеси, да **с радостию** тебѣ служат, **а не въздыхающе**; повинных же *не скоро* смертию осуждай, но *со испытанием великимъ*, аще будут достойны за дѣла своя казнѣ прияти смертную, но и то *с милостию и с пощажениемъ*, и отпущати **и дважды, и трижды**, да покаются и престанут от злб своих к тому не творити ихъ» [29, с. 494].

Приведенный материал свидетельствует о том, что жанр поучения не только существовал в виде самостоятельных произведений, но и включался как малый жанр в состав воинских повествований. Дидактические поучения различного объема, обличительной и назидательной направленности, принадлежали в летописях прежде всего авторам. Книжники обращали их к читателям, оценивая ход событий с религиозно-символической точки зрения, утешая их в случае поражений, предостерегая от гордыни в случае побед, убеждая в беспредельном милосердии Господа к людям.

С развитием литературы, возрастанием интереса к историческим личностям, усложнением характеристики персонажей книжники начали приводить поучения духовных лиц и правителей. Такие наставления не только призваны были эмоционально передать мысли и наставления, но

и характеризовали произносящих и адресатов. В поучениях, в сравнении с малыми лирико-риторическими жанрами, чаще использовались библейские цитаты и аллюзии, риторические фигуры, разнообразные повторы, но реже — тропы, более всего эпитеты. Такое предпочтение риторических средств объясняется различием функций жанров: если малые жанры предназначены в первую очередь для выражения чувств, то в поучениях на первом плане выражение мыслей.

Список литературы

Исследования

- 1 *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 185 с.
- 2 *Андреева Е.А.* Молитвы в составе «Жития Михаила Ярославича Тверского» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 225–238. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-225-238>
- 3 *Буланин Д.М.* Переводы и послания Максима Грека. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 277 с.
- 4 *Виноградова С.М., Силин И.С.* Риторика: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2025. 316 с.
- 5 *Грихин В.А.* Лекции по древнерусской литературе. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2017. 480 с.
- 6 *Елеонская А.С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М.: Наука, 1990. 222, [2] с.
- 7 *Еремин И.П.* Из истории древнерусской публицистики XI века (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 2. С. 21–38.
- 8 *Еремин И.П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. 2-е изд., доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 326, [1] с.
- 9 *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 342–367.
- 10 *Еремин И.П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. С. 159–184.
- 11 *Журова Л.И.* Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции: в 2 ч. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. Ч. 1: Исследование. 493 с.
- 12 История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 1: Литература XI – начала XIII века. С. 183–194, 347–364.
- 13 *Каравашкин А.В.* Литературный обычай Древней Руси (XI–XVII вв.) М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 720 с.

- 14 Кусков В.В. Эстетика идеальной жизни. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. 317 с.
- 15 Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 261–654.
- 16 Первушин М.В. Имагологическая символика в «Похвале» Епифания Премудрого // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 239–250. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-239-250>
- 17 Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: литература и язык. М.: Знак, 2003. 720 с.
- 18 Понырко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси, XI–XIII: Исслед., тексты, пер. СПб.: Наука, 1992. 215, [1] с.
- 19 Прокофьев Н.И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. // Литература Древней Руси. М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1975. Вып. 1. С. 5–37.
- 20 Риторика: учебник для вузов / под общ. ред. В.Д. Черняк. М.: Юрайт, 2025. 242 с.
- 21 Савельева О.А. Книжные плачи в древнерусской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994. 305 с.
- 22 Савельев В.С. Молитва в «Повести временных лет» (статья 1) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76, № 6. С. 16–24.
- 23 Сазонова Л.И. Литература средневековой Руси в контексте Slavia Orthodoxa: теоретические и методологические проблемы исследования жанров // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII Международный съезд славистов. (Краков, 1998). Доклады российской делегации. М.: Наследие, 1998. С. 5–21.
- 24 Трофимова Н.В. Особенности и функционирование лирических жанров // Трофимова Н.В. Поэтика древнерусского воинского повествования. М.: МПГУ, 2017. С. 128–177.
- 25 Ужанков А.Н. «Слово о законе и благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М.: Академия, 2014. 349, [2] с.
- 26 Черторицкая Т.В. Ораторское искусство Древней Руси // Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). М.: Сов. Россия, 1987. С. 5–30.
- 27 Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 4. С. 104–111.

Источники

- 28 Инок Фомы «Слово похвальное» // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. С. 72–130.
- 29 Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 2004. Т. 10. С. 252–509.

- 30 Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.): сб. / сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текстов и коммент. Т.В. Черторицкой. М.: Сов. Россия, 1987. 444, [1] с.
- 31 Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. 496 с.
- 32 Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 13. 544 с.
- 33 Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 3. XII, 720 с.
- 34 Новгородская Четвертая летопись / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 4. Ч. 1. XXXVIII, 690 с.
- 35 Рогожский летописец. Тверской сборник / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 15. 432 с. (разд. паг.) (XII с., 186 стб., 29 с., V с., 504 стб., 35 с.)
- 36 Сказания и повести о Куликовской битве / изд. подгот. Л.А. Дмитриев и О.П. Лихачева; отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. 420, [2] с.
- 37 Словарь древнерусского языка XI–XIV веков: в 10 т. М.: Русский язык, 1991. Т. 4: (изживати — моление). 559 с.
- 38 Софийская Первая летопись старшего извода / Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 6. Вып. 1. VIII, 312 с.

References

- 1 Adrianova-Peretts, V.P. *Ocherki poeticheskogo stilia Drevnei Rusi* [Essays on the Poetic Style of Old Russia]. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1947. 185 p. (In Russ.)
- 2 Andreeva, E.A. "Molitvy v sostave 'Zhitiiia Mikhaila Iaroslavicha Tverskogo'" ["Prayers in the 'Life of Mikhail Yaroslavich Tverskoy'"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 225–238. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-225-238> (In Russ.)
- 3 Bulanin, D.M. *Perevody i poslaniia Maksima Greka* [Translations and Epistles of Maximus the Greek]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1984. 277 p. (In Russ.)
- 4 Vinogradova, S.M., and I.S. Silin. *Ritorika: uchebnik i praktikum dlia vuzov* [Rhetoric: Textbook and Workshop for Universities]. Moscow, Iurait Publ., 2025. 316 p. (In Russ.)
- 5 Grikhin, V.A. *Lektsii po drevnerusskoi literature* [Lectures on Old Russian Literature]. Moscow, "Greko-latinskii kabinet" Iu.A. Shichalina Publ., 2017. 480 p. (In Russ.)
- 6 Eleonskaia, A.S. *Russkaia oratorskaia proza v literaturnom protsesse XVII veka* [Russian Oratorical Prose in the Literary Process of the 17th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 222, [2] p. (In Russ.)

- 7 Eremin, I.P. "Iz istorii drevnerusskoi publitsistiki XI veka (Poslanie Feodosiia Pecherskogo k kniazuiu Iziaslavu Iaroslavichu o latinianakh)" ["From the History of Old Russian Journalism of the 11th Century (The Epistle of Theodosius of the Caves to Prince Izyaslav Yaroslavich about the Latins)"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 2. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1935, pp. 21–38. (In Russ.)
- 8 Eremin, I.P. *Leksii i stat'i po istorii drevnei russkoi literatury* [Lectures and Articles on the History of Old Russian Literature]. 2nd ed., rev. Leningrad, Leningrad University Publ., 1987. 326, [1] p. (In Russ.)
- 9 Eremin, I.P. "Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo" ["The Literary Heritage by Kirill of Turov"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 11. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1955, pp. 342–367. (In Russ.)
- 10 Eremin, I.P. "Literaturnoe nasledie Feodosiia Pecherskogo" ["The Literary Heritage of Theodosius of the Caves"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 5. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1947, pp. 159–184. (In Russ.)
- 11 Zhurova, L.I. *Avtorskii tekst Maksima Greka: rukopisnaia i literaturnaia traditsii: v 2 ch.* [The Author's Text by Maximus the Greek: Handwritten and Literary Traditions: in 2 parts], part 1: Issledovanie [Research]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008. 493 p. (In Russ.)
- 12 *Istoriia russkoi literatury: v 10 t.* [The History of Russian Literature: in 10 vols.], vol. 1: Literatura XI – nachala XIII veka [Literature of the 11th – Early 13th Centuries]. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1941, pp. 183–194, 347–364. (In Russ.)
- 13 Karavashkin, A.V. *Literaturnyi obychai Drevnei Rusi (XI–XVII vv.)* [The Literary Custom of Old Russia (11th–17th Centuries)]. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2018. 720 p. (In Russ.)
- 14 Kuskov, V.V. *Estetika ideal'noi zhizni* [The Aesthetics of an Ideal Life]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2000. 317 p. (In Russ.)
- 15 Likhachev, D.S. "Poetika drevnerusskoi literatury" ["Poetics of Old Russian Literature"]. Likhachev, D.S. *Izbrannye raboty: v 3 t.* [Selected Works: in 3 vols.], vol. 1. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987, pp. 261–654. (In Russ.)
- 16 Pervushin, M.V. "Imagologicheskaiia simvolika v 'Pokhvale' Epifaniia Premudrogo" ["Imagological Symbolism in the 'Praise' of Epiphanius the Wise"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 239–250. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-239-250> (In Russ.)
- 17 Pikkio, R. *Slavia Orthodoxa: literatura i iazyk* [Slavia Orthodoxa. Literature and Language]. Moscow, Znak Publ., 2003. 720 p. (In Russ.)

- 18 Ponyrko, N.V. *Epistoliarnoe nasledie Drevnei Rusi, XI–XIII: Issled., teksty, per.* [*The Epistolary Heritage of Old Russia, 11th–13th: Research, Texts, Trans.*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992. 215, [1] p. (In Russ.)
- 19 Prokof'ev, N.I. "O mirovozzrenii russkogo srednevekov'ia i sisteme zhanrov russkoi literatury XI–XVI vv." ["Russian Medieval Worldview and the System of Genres of Russian Literature of the 11th–16th Centuries"]. *Literatura Drevnei Rusi* [*Old Russian Literature*], issue 1. Moscow, Moscow State Pedagogical University by V.I. Lenin Publ., 1975. pp. 5–37. (In Russ.)
- 20 Cherniak, V.D., editor. *Ritorika: uchebnik dlia vuzov* [*Rhetoric: a Textbook for Universities*]. Moscow, Iurait Publ., 2025. 242 p. (In Russ.)
- 21 Savel'eva, O.A. *Knizhnye plachi v drevnerusskoi literature* [*Book Lamentations in Old Russian Literature: PhD Dissertation*]. Novosibirsk, 1994. 305 p. (In Russ.)
- 22 Savel'ev, V.S. "Molitva v 'Povesti vremennykh let' (stat'ia 1)" ["Prayer in the 'Tale of Bygone Years' (Article 1)"]. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, vol. 76, no. 6, 2017, pp. 16–24. (In Russ.)
- 23 Sazonova, L.I. "Literatura srednevekovoi Rusi v kontekste Slavia Orthodoxa: teoreticheskie i metodologicheskie problemy issledovaniia zhanrov" ["Literature of Medieval Russia in the Context of Slavia Orthodoxa: Theoretical and Methodological Problems of Genre Research"]. *Slavianskie literatury. Kul'tura i fol'klor slavianskikh narodov. XII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. (Krakov, 1998). Doklady rossiiskoi delegatsii* [*Slavic Literature. Culture and Folklore of Slavic Peoples. XII International Congress of Slavists. (Krakow, 1998). Reports of the Russian Delegation*]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 5–21. (In Russ.)
- 24 Trofimova, N.V. "Osobennosti i funktsionirovanie liricheskikh zhanrov" ["Features and Functioning of Lyrical Genres"]. Trofimova, N.V. *Poetika drevnerusskogo voinskogo povestvovaniia* [*Poetics of Old Russian Military Narration*]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2017, pp. 128–177. (In Russ.)
- 25 Uzhankov, A.N. "Slovo o zakone i blagodat' i drugie tvoreniia mitropolita Ilariona Kievskogo" ["Sermon on Law and Grace" and Other Works by Metropolitan Hilarion of Kiev]. Moscow, Akademiia Publ., 2014. 349, [2] p. (In Russ.)
- 26 Chertoritskaia, T.V. "Oratorskoe iskusstvo Drevnei Rusi" ["Oratory of Old Russia"]. *Krasnorechie Drevnei Rusi (XI–XVII vv.)* [*Eloquence of Old Russia (11th–17th Centuries)*]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1987, pp. 5–30. (In Russ.)
- 27 Shakhmatov, A.A. "'Povest' vremennykh let' i ee istochniki" ["'Tale of Bygone Years' and Its Sources"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. 4. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1940, pp. 104–111. (In Russ.)